
ТРУДЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
СПбГУ

ТРУДЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Редакционный совет:

д-р ист. наук *A. Ю. Дворниченко* (председатель), д-р ист. наук *Э. Д. Фролов*,
д-р ист. наук *Г. Е. Лебедева*, д-р ист. наук *В. Н. Барышников*, д-р ист. наук
Ю. В. Кривошеев, д-р ист. наук *М. В. Ходяков*, д-р ист. наук *Ю. В. Том*,
канд. ист. наук *И. И. Верняев*

*Издается по решению
Ученого совета исторического факультета
С.-Петербургского государственного университета с 2010 года*

ТОМ
9

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ
АСПЕКТЫ ИСТОРИИ
ЭКОНОМИКИ РОССИИ
XIX–XX ВЕКОВ**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2012

ББК 63.3(2)
С 692

Редакционная коллегия выпуска: д-р ист. наук *В. Л. Пянкевич* (отв. ред.), д-р ист. наук
Б. В. Морозан (отв. ред.), канд. ист. наук *И. И. Верняев*, канд. ист. наук
С. С. Смирнова

Рецензенты: д-р ист. наук *О. Ю. Пленков* (С.-Петербург. гос. университет),
д-р ист. наук *С. В. Яров* (С.-Петербург. институт истории РАН)

*Печатается по постановлению Ученого совета
исторического факультета
С.-Петербургского государственного университета*

С 692 **Социально-культурные аспекты истории экономики России XIX–XX веков:**
Материалы I Всероссийской научной конференции (Санкт-Петербург, 25–26 мая
2011 г.) – СПб., 2012.

Данный сборник включает в себя материалы конференции, организованной кафедрой истории предпринимательства и менеджмента исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. В нем представлены статьи ученых из разных регионов России.

В сборнике рассматриваются проблемы социальной и экономической истории России XIX–XX вв.: особенности функционирования института дворянской опеки в Рязанской губернии, место и роль российских предпринимателей в процессе формирования социокультурного пространства России, имущественное положение и отношение к государственной и частной службам мелкопоместных дворян Центрально-земледельческого района, «запрет» масонских лож Николаем I и последствия указа императора для чиновников-масонов, структура и особенности городского населения Московской губернии накануне «Великих реформ».

Вниманию специалистов, аспирантов и студентовлагаются статьи, посвященные попыткам учреждения в России первых акционерных банков, петербургским обществам взаимного кредита в XIX в., крестьянской реформе 1861 г. и ее экономическим последствиям, торгово-экономическим связям России и Германии, роли В. А. Чернохвостова в создании Петровского коммерческого училища, деятельности земских либералов в сфере народного образования в Тверской губернии, проблемам социального страхования женщин на промышленных предприятиях Петербурга и развития предпринимательства провинциального губернского центра – Тамбова.

В ряде статей рассматриваются вопросы развития финансово-экономической системы СССР в 1930-е гг., роль органов власти и общества в решении проблем повседневной жизни в 1941–1945 гг., стихийная «коммерция» блокадного Ленинграда, советский международный туризм 1950–1960-х гг.

Сборник полезен и интересен как специалистам, так и широкому кругу читателей.

ББК 63.3(2)

Публикация подготовлена в рамках проекта Темплана СПбГУ. Мероприятие 7, шифр ИАС 5.23.1110.2011

© Авторы статей, 2012
© Исторический факультет
С.-Петербург. гос. университета, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Корчмина Е. С. Институт дворянской опеки в Рязанской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века</i>	7
<i>Велиховский Л. Н., Кандаурова Т. Н. Российские предприниматели в социокультурном пространстве России в XIX – начале XX века</i>	14
<i>Морозан В. В. Мелкопоместное дворянство Центрально-земледельческого района России в XIX веке</i>	23
<i>Кондаков Ю. Е. «Запрет» масонских лож Николаем I (на материалах Главного управления почт)</i>	43
<i>Лизунов П. В. «Главное банковое и торговое общество в С.-Петербурге»: неосуществленный международный проект</i>	57
<i>Белов А. В. Структура и особенности городского населения накануне «Великих реформ» (по материалам Московской губернии)</i>	63
<i>Китанина Т. М. Несколько соображений по поводу отмены крепостного права 19 февраля 1861 года</i>	72
<i>Абезгазуз С. А. Влияние экономических отношений на договор «перестраховки» 1887 года между Россией и Германией</i>	79
<i>Зотова А. В. Петербургские общества взаимного кредита в XIX веке</i>	88
<i>Журавлёв А. А. Владимир Афанасьевич Чернохвостов – первый председатель Попечительного Совета Петровского коммерческого училища</i>	101
<i>Данович Е. С. Земские либералы и развитие народного образования в Тверской губернии (вторая половина XIX века)</i>	109
<i>Вахромеева О. Б. Социальное страхование и «женский вопрос» в столице на рубеже XIX–XX веков</i>	120
<i>Стрекалова Н. В. Предприниматели в составе городских средних слоев провинциального губернского центра Центрально-Черноземного региона в 1907–1917 годах: состав, типология, мобильность (на материалах Тамбова)</i>	133
<i>Соколов А. С. Советский червонец в 1930-е годы и после</i>	142
<i>Зинич М. С. Социум и власть: решение проблем повседневной жизни в 1941–1945 годы</i>	146

<i>Пянкевич В. Л. «Одни умирают с голоду, другие наживаются, отнимая у первых последние крохи». Участники рыночной торговли в блокадном Ленинграде</i>	155
<i>Чистиков А. Н. Советский выездной туризм 1950–1960-х годов: социальный аспект</i>	184
Список сокращений	191
Сведения об авторах	192
Аннотации	194

E. С. Корчмина

ИНСТИТУТ ДВОРЯНСКОЙ ОПЕКИ В РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ в КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Изучение института опеки в дореформенной России актуально не только из-за малоизученности темы, но и потому, что дворянская опека была одним из ключевых органов в урегулировании имущественных проблем в среде дворянства.

Источниковой базой исследования стали неопубликованные материалы уездных дворянских опек, сосредоточенные в Государственном архиве Рязанской области. Были использованы первичные материалы о взятии имений в опеку и журналы заседаний опек. При этом необходимо отметить, что сохранившиеся материалы неравномерно распределены по разным уездам Рязанской губернии.

Обращение к деятельности опек началось с изучения законодательства. П. Гуляев, анализируя законы об опеке, указал, что этот институт фактически существовал со времени Алексея Михайловича, но свое название и определенный статус получил только при Екатерине II.¹ При этом в первой половине XIX в. функционирование опеки не было четко прописано. Фактически, был определен механизм учреждения опеки только над малолетними дворянами. Но по какому бы основанию ни была учреждена опека (финансовые проблемы, сумасшествие, жестокое обращение с крестьянами и др.), она существовала на одних и тех же началах, так как опека – это представительство, и не зависит от повода к его учреждению.² Исходя из буквы закона, она учреждается не над личностью, а над имуществом. Если у сироты не было имущества, то и опека не учреждалась. При этом имущество могло быть как движимым, так и недвижимым, поэтому фактически материалы опек позволяют исследовать экономическое положение всех категорий дворянства.

Отсутствие доскональной разработанности функционирования опек в законодательстве беспокоило правительство, которое на протяжении всего

XIX в. вносило предложение об их преобразовании. Например, в июле 1839 г. граф А. Г. Строганов представил на рассмотрение дворянских корпораций проект нового устройства опек, в котором разделялись опеки на охранительные и понудительные, но ни этот, ни другие проекты принятые не были.³

В целом, к середине XIX в. в законе были обозначены основания для взятия имений в опеку, и их список был конечен. В опеку имения брались либо по прошению дворян, либо через органы власти, в частности, губернское правление. Была описана процедура изъятия из опеки, что также могло осуществляться либо по личному прошению, либо государственными органами. Деятельность института опекунов регулировалась в самом общем виде.

На данном этапе изучение института опеки вызывает большое количество вопросов.

Первая проблема связана с определением числа имений, состоящих в опеке. Так, ряд исследователей считает, что количество имений в опеке было невелико,⁴ а уменьшение абсолютной и относительной численности опекаемых поместий в предшествующие отмене крепостного права годы было связано с нежеланием дворян обременять себя дополнительными обязанностями в условиях ухудшившегося экономического состояния хозяйств и повышения социально-политической активности крепостного крестьянства.

Но современники считали, что доля имений в опеке была значительна. «Хотя все это было свое и под рукою, но беспрерывные обеды вели к разорению многих, и в мае 1816 года было заложено 600 помещичьих имений с населением в 300 000 крестьян».⁵

Данные по Рязанской губернии ближе к представлению современников. Так, если в 1840 г. по губернии было всего 622⁶ опеки (и городских и дворянских), то в 1850 г. – 731.⁷ Налицо увеличение числа опек. По данным рязанских исследователей, в 1853 г. в Рязанской губернии из 5479 имений было заложено 2566 (46 %), а в 1860 г. число заложенных имений – 3235 (65 %).⁸ Не совсем понятно, каким образом произошел столь стремительный рост числа опек за 3 года. Но даже если существует путаница с цифрами, то все равно число имений в опеке по Рязанской губернии было велико.

Второй вопрос, связанный со структурой имений в опеке, представляется более-менее ясным. Список оснований для включения в опеку был закрытым, поэтому и сама структура была единообразна для всей территории Российской империи. Более того, данные по соотношению разных видов опек по Рязанской губернии совпадают с данными по другим губерниям (по Воронежу, в частности). Большая часть имений в конце XVIII – первой половине XIX в. находилась в опекунском владении по малолетству.

Институт дворянской опеки в Рязанской губернии...

Но с 30-х годов XIX в. наблюдался рост доли имений, попавших в опеку за долги: рязанскому приказу общественного призрения (в первую очередь), московскому опекунскому совету и частным лицам. Была велика доля казенных недоимок (незначительные суммы), но они все быстро выплачивались, до описи имения.

Имений, попадавших в опеку за жестокое обращение с крестьянами и в связи с психической несостоятельностью помещика, в Рязанском уезде за указанный период было всего три.

При этом надо понимать, что мог выйти указ о сдаче в опеку, потом долг выплачивался, или уплачивались проценты, и имение исключалось из опеки. Это порождает источниковедческую проблему, связанную с выяснением точной численности имений, состоящих в опеке.

Третий вопрос связан с функционированием института опекунов. Их деятельность в законе была определена в самых общих чертах. Поэтому описание его деятельности будем проводить на основе существовавшей практики.

«Опекун», на наш взгляд, это скорее нравственная обязанность, нежели должность. Опекуном мог быть только дворянин, мужчина или женщина, при этом число женщин-опекунов было незначительным, и они назначались опекунами только у родственников. Фактически, при назначении опекуном не учитывалось ни финансовое положение дворянина, ни его нравственные качества, несмотря на указания в законе по этому поводу.

Как правило, у опекуна было не одно имение в опекунском управлении. Так, капитан артиллерии А. А. Суворов управлял 3 имениями, два из которых (камергера А. П. Собакина и капитанши Н. Зубовой) могут быть отнесены к категории средних: 346 и 202 души, соответственно. Третье имение было мелкопоместным (30 душ). Помимо этого во владении Александра Алексеевича было 65 собственных душ крепостных крестьян в Рязанском и Ряжском уезде Рязанской губернии.

Опекуны за свою работу получали так называемый «пятикопеечный сбор» (5 %), то есть чистый перевес прибыли от имущества над расходами по нему.⁹ Эта сумма была явно недостаточной для того, чтобы материально заинтересовать потенциальных опекунов в занятии должности.

В целом исследователи отмечают, что опекунами дворяне становиться не хотели.¹⁰ С. В. Першин считает, что «далеко не последнюю роль в сокращении и без того малой доли участия опеки в делах разорившихся дворян сыграло то, что установленный еще в последней четверти XVIII в. размер выплат опекунам уже давно не соответствовал запросам и потребностям даже провинциального дворянства».¹¹

Материалы опек это подтверждают. Опекуны часто сменялись из-за нежелания дворян, назначенных в опекуны, вступать в должность. «Исполнять не могу, так как семь малолетних детей и это имение расположено в 80 верстах, и лет много, а также обременен опекунством над имением умершей из девиц Логвеновой».¹²

Опекуны ежегодно должны были сдавать в уездные опеки отчеты по имению, которые являются одними из самых ценных источников по воспитанию бедных дворянских детей. До 1850-х годов отчет писался от руки, бланки отчетов не были до конца формализованы, в них необходимо было расписывать все статьи доходов и расходов. Отчеты проверялись заседателями опек и либо признавались верными, либо делались замечания опекуну, которые должны были быть исправлены. В случае систематических нарушений, опекун отвечал своим имуществом по обязательствам опекунского имения.

Так, по имению П. И. Кареева в 1832 г. опекун Тарас Изунов показал в отчете цифры, которые не совпадали с показаниями крестьян, и его попросили предоставить объяснения. Т. Изунов написал, что «пригляд за уборкою с полей хлеба и молотьбою имеет всегдаший надзор староста Филипп Ефремов».¹³ Рязанская опека предписала Изунову осуществлять личный контроль над имением и предупредила, что если в имении П. И. Кареева будет упущение, то оно будет на ответственности опекуна. В 1835 г. ситуация повторилась. Заседатели опеки Григоров и Казначеев вынуждены были лично съездить в с. Жолчино и провести дознание. Были выявлены нарушения, и было принято решение взыскать 705 руб. 95 коп. с Т. Изунова и отдать П. И. Карееву (хотя к этому моменту имение уже было исключено из опеки).

Опекун не был облечен всей полнотой государственной власти, поэтому нередко возникали ситуации, когда владельцы имений не желали подчиняться опекуну. Так, в 1835 г. опекун, поручик В. Екимов, жаловался на Ф. Окорокова, который не допускал опекуна до распоряжения описанным имением, собрал урожай, хлеб продал, деньги взял себе...¹⁴ Опека приказала рязанскому земскому суду отстранить владельца и его жену от распоряжения имением. В данном случае в опеку поступили просьбы и от соседей, которые считали, что действия Окорокова угрожают безопасности окружающих. Титулярная советница А. Д. Федосьева писала, что Окороков живет в совершенно разрушенном доме и топит печи, не учитывая опасность пожара. А опекун не следит за подобным недопустимым порядком вещей. Вскоре, правда, долг был уплачен, имение перешло к законному владельцу.

Таким образом, уездная опека осуществляла контроль над деятельностью опекунов, и он не всегда был формальным. Опекун был лицом материально ответственным, фактически не получавшим дохода от своей дея-

тельности и не обладавшим властью в должной степени. Несмотря на все неблагоприятные факторы, институт опекунов просуществовал более века.

Процедура повседневной деятельности дворянской опеки была рассмотрена на примере журнала заседания опеки Рязанского уезда в 1834 г.¹⁵ Заседания опеки проходили почти каждый день за исключением праздников и выходных, она собиралась в составе трех человек – уездного предводителя дворянства, судьи уездного суда и одного заседателя. При этом, когда в июне Н. Н. Реткин не мог являться на заседания, то опека заседала в составе двух человек, и это не мешало им принимать решения. Дела рассматривались по мере поступления. Так, 24 мая 1834 г. было рассмотрено 14 указов губернского правления и прошение штабс-капитана Алексея Тимофеева, который не мог принять на себя звание опекуна, т.к. состоял под судом (это, по мнению опеки, не являлось основанием для уклонения от занятия должности опекуна). 16 июня было рассмотрено только 2 рапорта опекунов, которые были найдены верными и направлены на обревизование в рязанскую гражданскую палату.

При этом, если сравнить два коллегиальных органа, которые занимались исключительно дворянскими делами: опеку и дворянское депутатское собрание, то заседание опеки проходили регулярнее, да и, пожалуй, эффективнее, так как переноса в принятии решений из-за отсутствия членов не было.

На основании анализа документов была предпринята попытка проанализировать связи дворянской опеки Рязанского уезда с губернскими и уездными органами власти для выявления степени самостоятельности данного органа сословного самоуправления.

Среди губернских органов власти наиболее интенсивная переписка, но в одностороннем порядке, велась с губернским правлением и казенной палатой. Первый орган направлял в дворянскую опеку предписания о взятии в опеку, а казенная палата направляла указы о взятии имений в казенное ведомство.

Палата гражданских дел также направляла в опеку указы о приеме в опеку, сообщала решения по денежным спорам, связанным с имениями в опеке. Помимо этого, дворянская опека обращалась за разрешением о продаже имения и направляла дела на ревизию именно в этот орган. Таким образом, гражданская палата выступала в роли контролирующего и ревизионного органа для дворянской опеки.

Среди уездных органов дворянская опека тесно взаимодействовала с уездным и земским судом, градской и земской полицией. Пожалуй, мы не можем говорить о том, что эти органы подчинялись дворянской опеке, но у них были перед ней обязательства.

Так, градская и земская полиция и уездные суды должны были сообщить опеке об имениях, находящихся на территории уезда или города, где умер владелец, остались малолетние дети, или существовал имущественный спор. Полиция предоставляла расписки от опекунов о доставке указов опеки. Дворянская опека могла обращаться в полицию для поиска недвижимого имущества.

Но самые тесные связи у опеки были с таким выборным органом сословного самоуправления, как земский суд. Опека направляла в суд указы об отдаче имения в опеку. Имения находились до передачи опекуну в его ведении. Земский суд должен был оградить опекунов от действий владельцев имений. Суд испрашивал разрешение у опеки на совершение тех или иных действий в отношении имения.

Таким образом, уездная дворянская опека была включена в систему вертикальных связей в губернии и уезде. Органом, контролирующим деятельность уездной опеки, была палата гражданских дел. «Правой рукой» опеки в осуществлении ее обязанностей выступал земский суд.

В целом, деятельность дворянских опек Рязанской губернии была важна для региона. Не совсем понятно, как определять эффективность деятельности дворянских опек. Но учитывая, что долги выплачивались, имения включались и исключались из опеки владельцам, малолетние получали образование, деятельность опек стоит признать удовлетворительной.

Говоря о деятельности дворянских опек, С. В. Першин пишет, что «...изначально задуманная как средство поддержки попавших в сложную жизненную ситуацию дворян, в первой половине XIX в. опека должна была уже выступать в качестве инструмента социально-политического и экономического контроля над представителями привилегированного сословия».¹⁶ Нам видится, что роль опеки на протяжении всего изучаемого периода была направлена на решение конкретных проблем, возникавших в рамках имущественных отношений дворян в результате смерти или неблагоприятного экономического положения. Опека в первую очередь направляла свои усилия на «воспитание» и «образование» малолетних дворянских детей. Эта функция осуществлялась через привлечение членов местной дворянской корпорации, которые не стремились к этому, поэтому неоднократно один опекун управлял несколькими имениями.

¹⁶ Ульяев И. Об опеках, учреждаемых на основании узаконений над имениями дворян и градских жителей. СПб., 1831.

Институт дворянской опеки в Рязанской губернии...

²Русское гражданское право, чтения Д. И. Мейера, изданные по запискам слушателей / Под ред. А. Вицьна. СПб., 1864. С. 730.

³Литвинова Т. Н. Организация и деятельность дворянских сословных учреждений Воронежской губернии последней четверти XVIII – первой половины XIX вв.: Дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2005. С. 135.

⁴Там же. С. 140; Першин С. В. Сословные учреждения в России в первой половине XIX века (по материалам дворянских и городских обществ средневолжских губерний): Автореф. дисс. ... д-р ист. наук. Саранск, 2010. С. 31.

⁵Дубровин Н. Русская жизнь в начале XIX века // Русская старина. Т. 97. 1899. № 1. С. 25.

⁶ГАРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2811. Л. 69.

⁷Там же. Д. 3448. Л. 14.

⁸Два века рязанской истории (XVIII – март 1917). Рязань, 1991. С. 23.

⁹Русское гражданское право... С. 736.

¹⁰Литвинова Т. Н. Организация и деятельность дворянских сословных учреждений Воронежской губернии... С. 140.

¹¹Першин С. В. Сословные учреждения в России в первой половине XIX века... С. 34.

¹²ГАРО. Ф. 117. Оп. 16. Д. 4. Л. 258.

¹³Там же. Оп. 11. Д. 2. Л. 110–259.

¹⁴Там же. Оп. 17. Д. 2. Л. 151.

¹⁵Там же. Оп. 18. Д. 12.

¹⁶Першин С. В. Сословные учреждения в России в первой половине XIX века... С. 32.

Л. Н. Велиховский, Т. Н. Кандаурова

РОССИЙСКИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ в XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В XIX в. в России значительно активизировался процесс формирования основных векторов развития социокультурного пространства.¹ Оно формировалось множеством субъектов, среди которых постепенно на первое место выходили представители отечественного предпринимательского сообщества. В рамках социокультурного пространства они активно реализовали свою социокультурную деятельность и создавали условия для ее реализации другими членами общества. Одновременно они как бы конструировали и трансформировали данное пространство как определенную социокультурную систему. Все это было обусловлено рядом факторов, среди которых могут быть обозначены: потребности времени, особые финансовые возможности представителей российского предпринимательского сословия, активное и быстрое включение в общественную и культурную деятельность, осознание своей роли в развитии социальных и культурных институтов страны, развитие семейных и корпоративных социокультурных практик, стремление постоянно быть причастным к работе на благо общества, что рассматривалось ими как исполнение определенного долга.

Российские предприниматели активно интегрировались в социокультурное пространство своего времени, включались в культурные процессы и, являясь его субъектами, становились непосредственно и опосредовано его творцами, инициаторами и авторами множества культурных новаций и начинаний, хранителями историко-культурного наследия и культурных традиций прошлого. Они также формировали материальную базу для развития институтов культуры как составляющих и систем социокультурного пространства, финансировали различные культурные программы и проекты, что было достаточно актуально в условиях остаточного принципа финансирования культурной сферы. Многие предприниматели, будучи сами творческими личностями, участвовали в научных, образовательных, театральных, музеиных, музыкальных, художественных и других проектах

или инициировали их, формировали новые культурные центры, консолидировали культурные силы общества. Культурная работа, как и их предпринимательская деятельность и общественная практика, становилась для них основным занятием, а культурные инициативы и проекты превращались в цель жизни. При этом работа на культурной поприще была многообразна и масштабна, характеризовалась максимальным разнообразием, динамичностью. Креативность, характерная для их предпринимательской деятельности, во многом становилась определяющей и для их социокультурных практик. Российские предприниматели реализовывали творческие практики одновременно в различных секторах социокультурного пространства, формировали культурный потенциал страны параллельно по нескольким направлениям, они первыми определяли новые векторы культуротворчества и культурного созидания в нескольких областях российского культурного пространства. «Широкая благотворительность, – писал историк купечества П. А. Бурышкин, – коллекционерство и поддержка всякого рода культурных начинаний были особенностью русской торгово-промышленной среды... Нет ни одной культурной области, где бы представители московского купечества не внесли своего вклада».² Данные определения были характерны не только для московского купечества, но и для большинства представителей отечественного предпринимательского сообщества в различных регионах страны.

Становясь постепенно ведущими фигурами социокультурного процесса пореформенной эпохи, они отличались и здесь, как и в сфере экономики, значительной активностью и результативностью деятельности, и в определенной степени пассионарностью, что было обусловлено целым рядом позиций и факторов. Их опыт в экономической сфере, хозяйствственные практики и предпринимательская деятельность развивали определенное творческое начало и инициировали креативную деятельность, позволяли формировать навыки оперативного принятия решений, определения домinantных пунктов и позиций при решении конкретных задач, проблем и нестандартного мышления. Это также позволяло сформировать умение рационального распределения ресурсов, сил и средств, возможности поиска новаторского подхода, способов, практик и стилей ведения хозяйственной деятельности, опережающих свое время, освоение передового хозяйственного и экономического опыта в минимально короткие сроки. При этом, как правило, для них была характерна свобода действий, самостоятельность в принятии решений, целеустремленность, упорство и настойчивость, ответственность.³ В своей хозяйственной деятельности они также всегда ориентировались на эффективность и качество, использовали элементы систем-

ного планирования и наблюдения, постоянно развивали коммуникативные способности. Исследователи истории предпринимательства при градации типов предпринимателей выделяют наряду с другими такие, как «творец-созидатель» и «исполнитель общественной функции».⁴ Масштабный формат деловой жизни и активности российских предпринимателей позволял им инициировать и формировать достаточно значимые и объемные культурные программы и социокультурные практики, которые приносили бы максимальную пользу обществу.

Опыт рациональной и передовой деятельности, который становился более масштабным по мере развития отечественной экономики в XIX – начале XX в., и позволял одновременно формировать сильное творческое начало и деятельностный потенциал, российские предприниматели активно переносили в социокультурную сферу и использовали в конструировании социокультурного пространства, становясь его значимыми субъектами-творцами. Материальная независимость и финансовая свобода предпринимателей обеспечивала соответствующую базу для развития их множественных социокультурных практик, формирования социальных и культурных программ. Российские предприниматели интегрировались в пространство культурного процесса своего времени и здесь получали достаточно большие возможности для реализации своих материальных ресурсов и творческих способностей, имели широкое поле для социокультурной деятельности. Социальный и культурный секторы становились для большинства из них сферами самых активных практик и деятельности, а также приложения сил и вложения капитала, областью реализации их творческого потенциала и творческих инициатив. При этом, в отличие от экономической сферы, они творили здесь, отнюдь не ожидая «коммерческого эффекта и вероятной прибыли», а получая определенное моральное удовлетворение и благодарность современников, исполняя свой христианский и гражданский долг. Социокультурная деятельность рассматривалась ими как безвозмездное служение на благо общества и ответственность перед ним. Многие видели в этом служении возможность вернуть обществу часть полученных в процессе экономической деятельности средств, и это становилось их жизненным кредо.

Постепенно российские предприниматели становились не только ключевыми фигурами отечественного сектора экономики и капитанами индустрии, но и лидерами в культурном строительстве и культуротворчестве, выполняя культуросозидающую работу не менее успешно, чем экономическую и хозяйственную, поддерживая материально сферу социальную и культурную. Они занимали лидирующие позиции в созидании культурных